ЛЕСЛИ РИИС

История Каррангги-эму

SHOUT
SHARE
IT

- Лесли Риис
  -
  -
  - 1. Вылупились птенцы
  - 2. Обратно в стаю
  - 3. Карроинги теряет друзей
  - 4. Уорри
  - 5. Печальная судьба нескольких яиц
  - 6. Карроинги-вожак
  - 7. Выстрел на равнине
  - 8. За стальной решёткой
  - 9. Снова вожак
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Лесли Риис

История Карроинги-эму

ЛЕСЛИ РИИС

ИСТОРИЯ КАРРОИНГИ-ЭМУ

повесть

ГОСУДАРОТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1957

* * *

Лесли Риис — известный австралийский детский писатель. Его рассказы о животных написаны вдохновенно и поэтично, с большой любовью и тонким пониманием богатства и красоты природы.

Автор изъездил всю Австралию — и как охотник, и как внимательный наблюдатель, — поэтому рассказы его не только поэтичны, но и полны интересного познавательного материала.

Книга «История Карроинги-эму» входит в серию детских книг «Звери и птицы Австралии». Она получила премию Австралийского книжного объединения как лучшая книга для детей.

В этой повести рассказана живая и правдивая история об одной из самых больших птиц на свете, самой быстроногой и сильной, — австралийском страусе эму.

Эму хорошо знают все жители Австралии, даже те, кто собственными глазами её не видел, так как изображение этой благородной птицы встречается и на австралийских монетах, и на почтовых марках.

В этой книге читатели найдут историю не только достоверную в деталях, раскрывающих жизнь эму, но и полную живого действия и приключений, — историю, написанную с большой любовью к птицам и зверям и с чутким пониманием вечно изменяющейся природы.

Имя «Карроинги» — обычная кличка, какую коренные жители Австралии дают эму; так же с именами «Бэрамул», «Кундэллу» и «Уорри». А необычные клички птенцов Карроинги — сокращённые имена.

1. Вылупились птенцы

1. Вылупились птенцы

В тот день, когда вылупился из яйца Карроинги, ревел и бушевал ветер; песок, поднятый вихрем с земли, походил на высокие башни; порывы ветра ломали хрупкие ветки смоковницы; море бросало на берег свои брызги, а воющий шквал прибивал к самой земле траву.

Высиживал птенцов отец, во всяком случае большую часть времени. Старый Бэрамул понимал всю важность этого дела и только вначале разрешал матери делить с ним долг высиживания четырнадцати оливково-зелёных яиц, собранных в одном месте. Все яйца были правильной овальной формы, и острые концы их глядели в одну сторону.

Для страусов это было радостное зрелище — ровный круг из яиц, лежащих на траве в гнезде из веток. Яйцам всё время нужно было тепло. Потому-то, наверное, Бэрамул так ревниво оберегал их.

Во всяком случае, уже вскоре после того, как Кундэллу, мать-эму, положила последнее яйцо, Бэрамул начал проявлять признаки беспокойства. Ночью он обегал вокруг гнезда, издавая глубокие гортанные крики и громко хлопая крыльями, затем возвращался неспеша назад, прогонял Кундэллу из гнезда и занимал её место.

Когда первый птенец пробил зелёную скорлупу, Бэрамул был явно очень взволнован и возбуждён. Он бил крыльями, сражаясь с сильными порывами ветра, и Кундэллу приходилось держаться на почтительном расстоянии от его когтей.

Затем эму-отец снова сел на яйца, укрыв дрожащего птенца от сильного ветра своими взъерошенными перьями. Только что вылупившийся птенец совсем не походил на своих родителей. Шея у него была короткая, а всё тело забавно покрывали коричневые и белые пятна. Хвоста у него не было.

Когда ветер стих, Бэрамул накормил новорождённого Карроинги травой и семенами, которые можно было достать, не вставая с гнезда. Карроинги ел жадно. Как будто он знал, что вот-вот и второй птенец пробьёт себе дорогу сквозь яичную скорлупу, а за ним ещё и ещё один, и скоро вся пищащая семья станет громко требовать еды.

Так оно и случилось. За несколько дней вылупились из яиц все эму. Повсюду валялась разбитая скорлупа. Бэрамул старался накормить всех птенцов один. И каждый раз, когда мать-эму хотела ему помочь, он угрожающе поворачивал в её сторону клюв.

Он устал и похудел.

К счастью, маленькие пушистые эму очень скоро сами научились работать своими клювами, отыскивать на земле подходящую еду и бегать по кругу на своих нетвёрдых ещё ногах.

Только тогда гордый и заботливый Бэрамул нашёл время, чтобы поесть.

Место, где родился Карроинги, находилось неподалёку от широкого морского залива. Освещённый солнцем, залив напоминал большую радугу. Тёмно-синяя блестящая поверхность воды переходила в бледно-голубую полосу, расположенную полукругом, а ближе к берегу — в прозрачно-зелёную и жёлтую. Затем шла слепяще белая дуга песчаной отмели с чахлыми, погнутыми деревцами и небольшими холмами, покрытыми редким дёрном, а дальше — болотистая равнина, заросшая травой, куда эму так любили приходить, когда наставало время выводить птенцов.

В этих местах маленькие эму обычно бегали на своих тонких ногах, догоняя друг друга, весело и шумно сражаясь из-за сладких семян или сочных стеблей. Случалось, Бэрамул разнимал дерущихся ударом своего клюва; иногда он ловким движением рта ловил мотыльков и бросал их на землю для своих птенцов. Казалось, он хотел воспитывать птенцов один, без чьей-либо помощи, и, когда бы мать-эму ни появлялась, он гнал её прочь.

Время от времени Карроинги видел в отдалении других эму — отца и мать, а за ними и весь выводок. Иногда птенцов было

всего пять, а иногда — пятнадцать. Встречались и подросшие эму, родившиеся в предыдущий сезон. Карроинги очень хотелось присоединиться к ним. Но не пришло ещё время, когда его семья могла влиться в стаю.

В пору, о которой рассказывает эта история, в тех местах ещё не было белых людей, и страусы могли свободно бегать и искать себе еду. Но старшие эму всегда были начеку: не вернутся ли сюда чёрные люди?

У эму было много врагов, и вскоре Карроинги пришлось изведать опасность встречи с ними.

На ночь Бэрамул обычно уводил птенцов под знакомое раскидистое фиговое дерево, куда доходил и шум прибоя. Фиговое дерево с его низко опущенными ветвями, на которых смутно вырисовывались тёмные пучки листьев, похожих на лодку, было надёжным укрытием от ветра и дождя. Птенцы подбирались под самый бок Бэрамула, а Кундэллу оставалась спать сидя, всегда на некотором расстоянии от них.

Если дул резкий ветер, как это часто бывает возле берега, родители эму поворачивали назад свою длинную шею и прятали голову в густых серо-коричневых перьях на спине. В другое время они всегда держали голову высоко поднятой и только закрывали глаза.

Как-то вечером, когда была пора располагаться под фиговым деревом, Бэрамул забеспокоился. Он продолжал стоять, пристально вглядываясь в темнеющее пространство. Маленьким эму тоже было не по себе — остаться вдруг одним, без укрытия, на резком ветру!

Только Карроинги, старший из них, глядел во все глаза. Перед самыми сумерками он увидел высоко в небе двух больших птиц, летевших на распластанных крыльях, с опущенными головами, как будто они что-то высматривали на земле. Немного погодя он услышал странный треск веток и шелест листьев у вершины дерева.

Наконец Бэрамул сел на своё место, и птенцы тоже успокоились. Но на следующее утро, как только они принялись искать в траве еду, послышался глухой топот тяжёлых ног эму, и тут же показалась бежавшая Кундэллу.

Всё семейство тотчас учуяло опасность, хотя никто ещё не мог понять, откуда она идёт. Бэрамул принял воинственную позу. Он взъерошил перья на шее, и откуда-то из глубины у него вырывались громкие, раскатистые хрипы. Он бегал по кругу. Перепуганные птенцы бросались то туда, то сюда, издавая тонкие, жалобные крики.

Вдруг два огромных острохвостых орла точно упали с неба:

хищные клювы крючком, крылья раскрыты, когти рвут воздух, глаза прикованы к семейству эму.

С криком Кундэллу бросилась под укрытие фигового дерева.

Бэрамул ещё раз угрожающе захрипел, ударил о землю ногой и побежал. В этот момент налетевшие орлы почти настигли его. Птенцы бросились бежать, рассыпавшись по кустарнику; они забивались в густую траву, куда угодно, припадали к земле своими вытянутыми шейками. Но орлы предвкушали настоящую поживу и хотели только самого большого эму — Бэрамула.

Бэрамул мчался через равнину, высоко поднимая ноги. Всё быстрее и быстрее. Его крылья ритмично рассекали воздух, шея была вытянута вперёд до предела. Ещё быстрее и быстрее, пока скорость его не сравнялась со скоростью ветра.

Но орлы могли легко его обогнать. Один из них держался всего в нескольких футах[1] от головы Бэрамула. В удобный момент он бросился вниз и ударил Бэрамула клювом в место за ушами. Бэрамул почувствовал, как лопнула кожа, и вскрикнул от боли. Но рана была лёгкой, так как Бэрамул, заметив, что орёл падает вниз, внезапно уклонился в сторону и спас этим свою шею от смертельного удара.

Рванувшись вперёд, Бэрамул обогнал орла. Тогда два разбойника повернули обратно и набросились на птенцов.

Карроинги увидел большую птицу, падающую прямо на него. Её холодные глаза кололи, будто стальное остриё. Карроинги кинулся в высокую траву. Орёл опустился ниже. Карроинги почувствовал, как жёсткие когти обхватывают его тело. Он пригнулся к самой земле, ползком, ползком, потом рванулся вперёд и ушёл.

Орёл схватил менее проворного птенца, свернул ему шею ударом крючковатого клюва, поднял свою жертву и улетел.

Второй орёл тоже схватил пищавшего птенца и последовал за ним. Всё было кончено в несколько секунд. Две сестры Карроинги погибли, а их отец чуть не лишился жизни.

2. Обратно в стаю

Бэрамул и всё семейство были так встревожены нападением орлов, что хотели поскорее встретить стаю, чтобы тут же присоединиться к ней. У многих эму к тому времени были птенцы, подросшие уже настолько, что свободно могли бегать в общей стае. А находиться со всеми было куда безопаснее.

Поэтому Бэрамул и Кундэллу соединились с одной парой взрослых эму, на следующий день к ним прибавилось ещё двое, а затем и восемь семейств.

Среди отцов эму царило возбуждение. Один отец отвечал за двенадцать птенцов и, казалось, слегка презирал своего соседа, которому удалось высидеть каких-то там восемь птенцов. И в то же время эти двое искоса поглядывали на исхудавшего Бэрамула, спрашивая друг друга, стоило ли столько вытерпеть ради неблагодарного потомства?

Матери эму держались спокойнее. В противоположность другим матерям, они считали своё дело законченным, как только снесли оливково-зелёные яйца.

Теперь, когда стая была уже собрана, молодых эму предоставили самим себе. Но им предстояло ещё многому научиться, а для этого нужно было время. Их шеи продолжали вытягиваться, ноги — укрепляться, а перья становились гуще.

Взрослые эму и кое-кто из подростков, родившихся ещё в прошлый сезон, учили младших всё видеть и слышать вокруг. Это было не так уж трудно, так как маленьких эму интересовало всё. Но одно дело научиться бегать по плоской прибрежной равнине, покрытой травой, и совсем другое — продираться через тёмный лес с толстыми стволами деревьев и кустами, встающими на каждом шагу, или же преодолевать крутые склоны, покрытые спутанными корнями растений.

Ещё одним занятием был туалет. Каждый молодой эму должен был научиться так вытягивать шею и поворачивать голову, чтобы уметь доставать любую часть тела и своим твердеющим, но всё ещё очень нежным клювом зарываться в перья и выщипывать их ритмичными движениями. В отличие от других птиц, у эму из каждой поры росло по два пера вместо одного.

Конечно, всем молодым эму хотелось скорее научиться по-настоящему бить крыльями, как это делали их родители, в особенности отцы, но только самым старшим это удавалось. У каждого подросшего эму на шее было что-то вроде мешочка из перьев, и, когда эму бежали, воздух, вырывавшийся из этих мешочков, издавал удивительные звуки, которые очень забавляли их.

Лето было в разгаре. Эму любили яркие косые лучи солнца, несмотря на то что солнце выжигало траву и высушивало болота, на которые птицы обычно приходили пить. Вскоре травяные семена в огромном количестве покрыли землю; появилось много кузнечиков, и Карроинги вместе со своими братьями и сёстрами развлекался, охотясь за ними.

Наконец поспел и дикий инжир, и эму постоянно бродили под густыми, широкими кронами фиговых деревьев с их длинными серыми ветвями, склонявшимися до самой земли и предлагавшими свои маленькие круглые плоды, наполненные семенами. Плоды были тёмно-красные, как вино, красновато-коричневые и жёлтые, слегка пятнистые, а тёмно-зелёные листья, собранные в целые кусты, оттеняли их.

Наступил ежегодный праздник плодов.

К этому времени стая уже выросла до двадцати четырёх взрослых и подрастающих эму и большого числа птенцов.

Карроинги рос быстро и был сильный, сообразительный и быстроногий для своего возраста. Когда он достиг двух футов, он стал очень похож на своих родителей. И только при внимательном сравнении можно было найти различие.

У Карроинги была тёмная пушистая шея, тогда как у его родителей она была голубая и почти без перьев. Очень много густых перьев росло и на верхней части ног Карроинги. Всё тело его покрывали короткие, спутанные перья ровного коричневого цвета, и только голова и шея были почти чёрными. Даже глаза его совсем не походили на ярко сверкающие карие глаза Бэрамула. Они были тёмные, как поверхность глубокого и затенённого пруда, цвет которого трудно определить. Там, где кончалась шея, виднелись короткие крылья, время от времени поднимавшиеся над телом.

И хотя Карроинги был ещё очень мал по сравнению со взрослыми эму, он уже не отставал от них в умении добывать себе пищу и научился бегать с большой скоростью, не разгоняясь, а срываясь прямо с места. Иногда у него бывали столкновения с другими молодыми эму из-за какого-нибудь особенно зрелого плода, и тогда они смешно и неловко сражались, стараясь отбить этот плод друг у друга.

Когда Карроинги уставал, он обычно опускался на землю, опираясь на нижнюю часть ног, и лишь время от времени приподнимался, чтобы подхватить клювом с земли что-нибудь съедобное. Но если вдруг его привлекали какие-нибудь звуки, издаваемые жителями равнины — птицей, ящерицей или кенгуру, — он тут же поднимал голову, чтобы всё видеть и слышать: рот его был полуоткрыт, голова поворачивалась в одну сторону, в другую, и он уже снова стоял на своих сильных ногах.

Но вот пришла пора дождей и сильных холодных ветров.

В день, когда была гроза, ливень и град, вожак стаи сильно заволновался. Он заметил на некотором расстоянии от стаи чёрного человека.

Чёрные люди были врагами стаи. Долгие месяцы они

находились вдали от стаи, ловили рыбу, охотились или справляли свои странные обряды, рассказывали друг другу разные истории или собирали съедобные травы и коренья в свои травяные мешки. Но раз в два или три года они возвращались, чтобы охотиться на эму.

Чёрные люди, гибкие и ловкие, с огромной копной густых чёрных волос на голове и с зоркими глазами, знали много способов, как заманивать и ловить эму. Вожак стаи, проживший на свете вот уже тридцать лет, знал некоторые из этих ловушек и очень боялся людей. Но кое-кто из молодых эму не придавал большого значения грозившей опасности.

Уверенные в себе, они отправились вперёд, считая более серьёзным делом розыск пищи на зиму.

Всё сложилось так, что беда, грозившая стае, стала неминуемой.

3. Карроинги теряет друзей

В одно пасмурное утро двадцать эму спокойно паслись на открытом пространстве, как вдруг одна из птиц заметила очень странную картину. Ярдах[2] в трёхстах от стаи из высокой травы высунулись две голые чёрные ноги. Они торчали вверх и быстро-быстро двигались, как будто бежали по воздуху.

Молодая эму, приятельница Карроинги, была очень удивлена. Она уставилась на ноги. Другие эму тоже. Так они смотрели и смотрели, пока один эму не выкрикнул хрипло что-то, что, вероятно, должно было означать: «Не обращайте внимания! Вспомните, что говорил вожак!»

И молодые эму продолжали пастись среди цветов, а ноги продолжали бежать по воздуху. Но, наконец, приятельница Карроинги не выдержала. Взглянув несколько раз украдкой своими большими карими глазами на двигающиеся ноги, она захотела узнать, что же всё-таки это такое. Высоко вскинув свою маленькую голову и забыв о всякой осторожности, она быстро побежала вперёд. По правде говоря, другие эму тоже были очень возбуждены и едва сдерживали себя, чтобы не последовать за ней.

Когда молодая эму была приблизительно в восемнадцати ярдах от мелькающих ног, она остановилась. Она не спускала с них глаз. Ноги продолжали свою работу. Тогда она начала ходить вокруг, всё сужая и сужая круги.

Вот тогда это и случилось. В одно мгновенье ноги опустились на землю, а вместо них появилась голова и сильное обнажённое тело чёрного человека. Взметнулась рука, копьё разрезало воздух, и смертельно раненная эму упала на землю. Стая в ужасе бросилась бежать через равнину, а со всех сторон с криками начали выскакивать чёрные люди.

В тот же день с убитой эму сняли шелковистые перья и опустили её в большую яму, слегка засыпав землёй и разложив сверху костёр. Когда птица испеклась, нетерпеливые рты набросились на сочное и вкусно пахнущее мясо и насладились им.

Через несколько дней случилось новое несчастье. На водопой эму обычно ходили к одному и тому же месту, и тропинка туда хорошо протопталась. Один из красавцев эму, спускавшийся по этой тропинке, не заметил людей, притаившихся за невысокими кустами чайного дерева. Эму с удовольствием напился и поскакал обратно. Но тут вдруг раздались громкие крики и внезапно с разных сторон появились чёрные люди. Эму бросился вверх по тропе, надеясь спастись. Он не знал, что, пока он пил, люди протянули на его пути специальную сеть. Сеть была сплетена из тонких, но очень прочных стеблей и с обоих концов была прикреплена к деревянным шестам. С безумными глазами, крича и подпрыгивая, люди преследовали эму, пока он не влетел прямо в сеть и не запутался в ней безнадёжно.

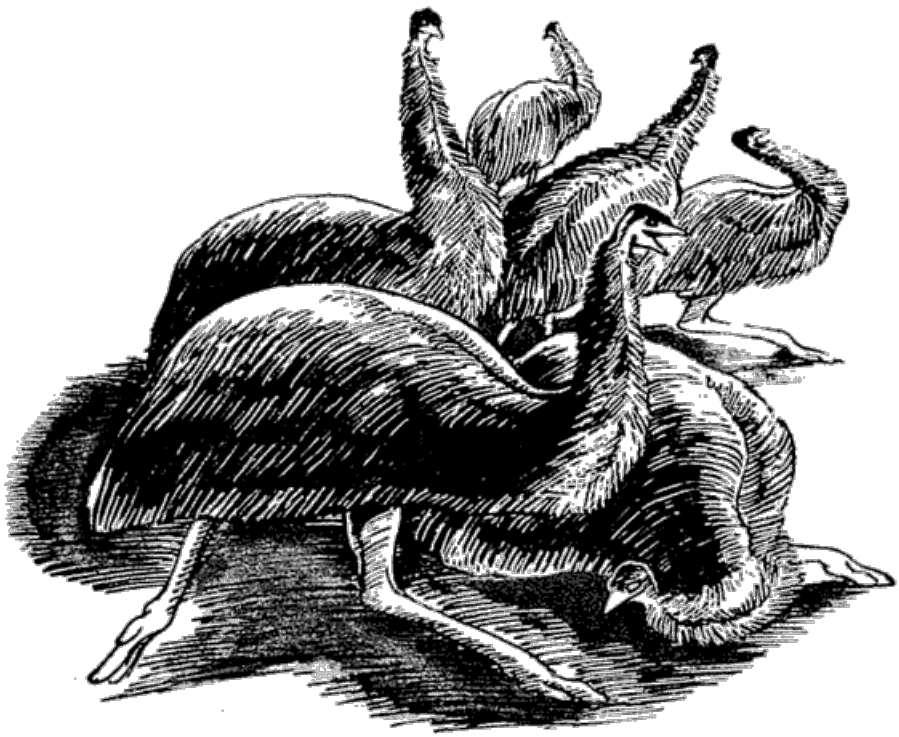
Конечно, неправильно было бы думать, что людям всегда легко удавалось изловить эму. Птицы стали осторожнее,

научились ещё быстрее бегать, и иногда проходил целый месяц, а ни одна из них не была поймана.

Затем тяжкая судьба постигла ещё двух эму. Как могли эти бедные животные знать, что чёрные люди подбросили листья и ветки питури в их чистый источник, из которого они обычно пили? Листья питури выделяют яд, поэтому, напившись такой воды, эму теряли равновесие, всё кружилось у них перед глазами, как будто они были пьяны. Шатаясь, они делали два-три шага, потом останавливались, бежать они не могли, и в таком состоянии их было очень легко убить.

Но вот настала очередь и Бэрамула.

В один жаркий, сухой день в безмятежной тишине раздался знакомый шум хлопающих крыльев эму. Птицы инстинктивным движением подняли головы, но вся стая стояла на месте — значит, шум исходил не от неё. И тут, оглянувшись по сторонам, Бэрамул вдруг увидел что-то странное, что очень быстро крутилось под деревом.



Это был большой шар или, вернее, круглый пучок, сделанный из хвостовых перьев эму — да, увы, эму. Из пучка свешивались вниз длинные лоскуты красной тряпки. Перья и лоскуты безостановочно вертелись всего в четырёх футах от земли.

Бэрамул застыл в траве и всё глядел и глядел на этот шар. Он

не видел, что к шару была привязана верёвка из человеческих волос, тянувшаяся вверх к ветке дерева, на которой спрятался голый человек с дротиком в руках. Бэрамул не мог оторваться от этого чуда. Конечно же, в этом не было никакой опасности!

Он сделал несколько шагов и остановился, громко хлопая крыльями. Вертящийся шар всё больше приковывал его внимание. Бэрамул подбежал ближе, а кое-кто из стаи на почтительном расстоянии последовал за ним.

С дерева опять раздался клич эму, которому превосходно научились подражать чёрные люди. Бэрамул ещё шагнул вперёд, вытянув шею и напряжённо оглядываясь по сторонам.

И вот он под самым деревом.

Сильный и ловкий человек с неистово бьющимся сердцем изо всех сил бросает острое копьё, и Бэрамул падает, пронзённый им. Он бьётся на земле, хлопая крыльями и громко крича, стучит по земле ногами, поднимая целые тучи пыли и травы.

О горе!.. Поражённые эму отступают назад. Но теперь ни один из чёрных людей не спешит убивать их. Тот, что бросил копьё, дрожит от радости, но остаётся спрятанным в ветвях дерева.

Что ещё он задумал?

Отбежав недалеко, эму останавливаются и оглядываются назад. Они не понимают поведения Бэрамула, который всё старается подняться на ноги и не может. Эму начинают возвращаться. Один из них вырывается вперёд, останавливается, опять бежит вперёд, желая узнать, почему у Бэрамула так странно взъерошены крылья и почему он перестал дышать.

Тут летит ещё одна стрела, и любопытную птицу постигает та же участь, что и Бэрамула.

4. Уорри

Так Карроинги потерял отца.

Среди убитых эму были ещё две его сестры и два брата.

Когда стая увидела, сколько из её числа убито коварными людьми, все решили, что пора менять пастбище. И они покинули приморскую равнину с сочной травой. Никогда уж больше не

придётся им лакомиться круглыми плодами фиговых деревьев, так как те росли только на побережье.

На своих длинных, неуклюжих ногах эму покрыли всю бесконечную широкую равнину и добрались наконец до гор. Некоторые из них протоптали себе тропу сквозь каменистые ущелья, усеянные родниками и заросшие пёстрыми папоротниковыми деревьями, лаврами и кедровым лесом. Здесь было хорошо и передохнуть, поесть ягод и выпить холодной, освежающей воды из прозрачного источника. Но жить постоянно здесь было нельзя: неровность почвы, постоянные сумерки и ледяной ветер, пронизывающий ущелье, заставляли эму спешить всё дальше и дальше.

Они взбирались по склонам до высоких бесплодных вершин и там пробивали себе дорогу вдоль острых хребтов, больно ушибаясь и раня при этом о твёрдые камни ноги. Но вот после долгих недель пути они очутились на заросшем травой плато, вдали от своего прежнего пастбища.

Опять наступила зима, а с нею и свадебный сезон эму. Шли дожди с градом. Взрослые эму разделились на пары, прихватив с собою и малышей.

Бэрамул был убит, и поэтому Кундэллу одна присматривала за шестью птенцами, оставшимися у неё. Карроинги — самый старший и самый большой — помогал ей.

Когда снова пришло лето, эму объединились в стаю и все вместе бродили по холмистым равнинам. На этот раз им не удалось воспользоваться ежегодным урожаем инжира. Но там было много другой еды. Правда, иногда эму глотали и то, что едва ли можно было назвать едой, например металлические болты или гвозди, случайно обронённые землемерами или дорожными рабочими. Такие штуки, конечно, не переваривались и оставались у эму в желудке, но, как видно, не причиняли им зла.

И вот однажды Карроинги сделал настоящее открытие. Полный восторга, он поспешил скорее сообщить о нём всей стае.

Эму последовали за ним через многие мили[3] ветренного пространства, пока Карроинги не остановился перед маленьким деревом с узкими, длинными листьями. На фоне листьев ярко выделялись красные плоды около дюйма[4] в окружности.

Кундэллу насторожилась: фрукты могли оказаться ядовитыми. Но кое-кто из голодных молодых эму уже принялся срывать их с дерева. Кундэллу сама тоже попробовала один. Снаружи он оказался сочным и мягким, но внутри была большая морщинистая круглая косточка.

Предстоял выбор: то ли совсем отказаться от плодов, то ли глотать их вместе с косточкой. Кундэллу предпочла глотать их с косточкой. А молодые эму уже и сами решили прибавить квондонг к своему и без того обильному меню и с удовольствием продолжали рвать плоды с соседних деревьев.

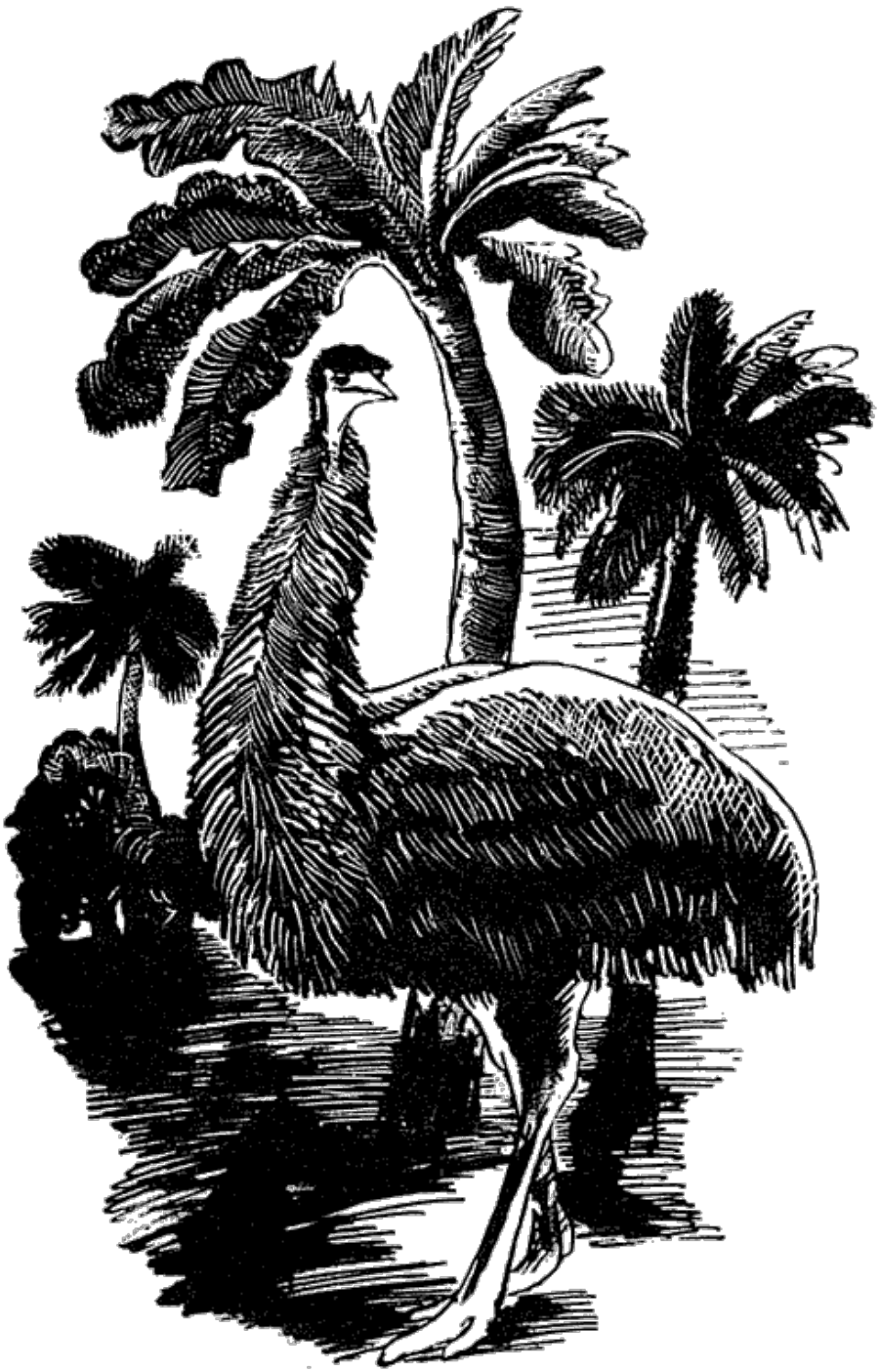
После того, как Карроинги открыл квондонг, он стал очень популярен в стае. Его начали уважать даже старшие эму: они считали, что он подаёт большие надежды.

Чёрных людей эму больше не встречали — те ушли далеко на север. Но стали появляться белые люди — они возделывали землю и повсюду пасли свои стада овец.

Как-то утром вожак стаи, сильный, крепко сбитый самец, наскочил на двух белых людей, рубивших высокое красное дерево. Несколько недель спустя Карроинги своими глазами увидел группу белых людей, строивших железную дорогу. Люди только смотрели на птиц, иногда прогоняли их, но не делали попыток поймать их.

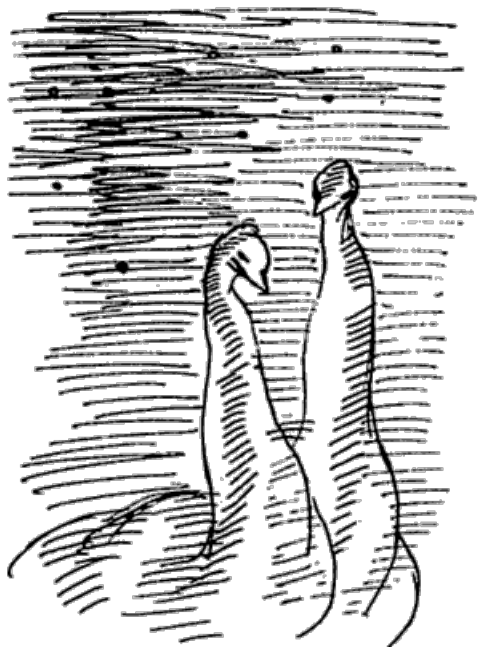
Так продолжалось в течение трёх лет. Эму жили спокойно, а Карроинги тем временем из подростка превратился в великолепную взрослую птицу. Голова его возвышалась на уровне пяти футов и даже выше и сидела на длинной и гладкой шее, покрытой голубой кожей. Глаза у него были удивительно большие, светло-карие, с тёмными зрачками. На его чёрном, твёрдом, слегка загнутом клюве виднелись большие ноздри. Его ноги были сильны и красивы; до колен они были без перьев, их покрывало что-то вроде чешуи. Из трёх пальцев на ноге средний был самым длинным, толстым, выдающимся вперёд, с острым, крючковатым когтем. Но лучшим украшением Карроинги был пышный покров из перьев, шевелящихся на ветру. На спине вдоль позвоночника перья распадались на две части и мягко спускались направо и налево. На широкой спине перья были чёрные, с едва заметным блеском, на нижней части шеи они неожиданно переходили в серые и даже белые, а по бокам спускались пёстрые, бронзово-коричневые перья с чёрными и светло-кремовыми пятнами. Когда ветер поднимал верхний покров, взору

открывался толстый слой причудливо завитых перьев, похожих на старые, пожелтевшие кружева.



Снова приближалась зима, и Карроинги, ставший уже

взрослым, начал испытывать какое-то странное волнение. Ему всё время хотелось показывать свою удаль перед эму-самками. С огромной скоростью пересекал он гладкую равнину, до предела выбрасывая вперёд свои сильные ноги и с ликующим криком обгоняя других эму. Он бил ногами, кричал, хлопал крыльями, танцевал, балансировал на одной ноге, взъерошивал на шее перья, задирал кверху голову или же так выворачивал её, что почти свёртывал себе шею.



С особенным усердием он проделывал всё это после знакомства с молодой Уорри. Уорри была очень польщена. Ей нравился Карроинги, и в ответ она издавала гортанные звуки и хрипы.

Когда стая снова начала делиться на пары, никто не удивился, что Карроинги и Уорри вместе отправились устраивать гнездо.

5. Печальная судьба нескольких яиц

Была тихая, холодная июльская ночь. В морозной вышине светила луна; сотни звёзд, будто осколки хрусталя, сверкали на тёмном небе. Ночной воздух над затихшим кустарником был таким прозрачным, что контуры деревьев и кустов вырисовывались совсем ясно, как будто вы смотрели на них

сквозь тёмные очки. Тени деревьев казались огромными чудовищами. Снежный иней, толстым слоем покрывавший траву, белел и сверкал спокойным блеском; дождевые лужицы на пнях замёрзли. Вся местность казалась скованной холодом.

Из застывшей тишины, так долго лишённой каких-либо звуков, рождённых животным или насекомым, птицей или человеком, вдруг донёсся слабый крик. Это был призывный крик. Он всё приближался, затем послышался равномерный топот ног и ритмичное похлопыванье тяжёлых крыльев, словно сухая трава шелестела на ветру. Это был Карроинги, в глубокую ночь нёсшийся через заросшую кустарником равнину, чтобы сообщить всем, что он стал отцом. Отцом восемнадцати овальных яиц!

Это была рекордная кладка, и Карроинги как будто понимал это. Бывали случаи, когда в гнезде эму высиживалось даже двадцать шесть яиц, но это лишь когда одним гнездом пользовались одновременно две матери. У птиц, которых Карроинги созвал посмотреть на него с Уорри, такая кладка вызвала восхищение. Яйца были большие, тонкая скорлупа была совсем прозрачной и зернистой.

Уорри продолжала сидеть на своём временном гнезде, сделанном из мягких трав и древесной коры, а Карроинги рвался в ночную равнину, желая со всеми поделиться своим счастьем. Тем временем все уважающие себя эму продолжали спать под голыми сливовыми деревьями. Шум его крыльев наконец разбудил и рассердил одного из отцов семейства. Это не смутило Карроинги — он был готов к бою. Мужская сила, энергия и гордость взыграли в нём, и он готов был вызвать на состязание или на борьбу весь свет.

Вдруг из прозрачного лунного света перед ним выросла угрожающая тёмная фигура. По неистовому биению крыльев Карроинги узнал, кто это: вожак стаи. Карроинги остановился. Он уже чувствовал себя менее уверенно. На эту встречу он не рассчитывал — вожак считался неутомимым борцом. Но отступать было поздно.

Вожак приближался огромными скачками. В двенадцати ярдах он остановился и уставился на Карроинги; его карие глаза метали грозные молнии. Затем он бросился на Карроинги, Карроинги — на него. Подпрыгнув высоко в воздух, они сцепились своими длинными крючковатыми пальцами. Карроинги получил удар в бедро и тут же нанёс ответный удар по крылу вожака. Потом последовал ещё более сильный удар, сотни мелких перьев полетели от Карроинги, и что-то подсказало ему, что лучше отступить.

Продолжая бить крыльями, Карроинги вернулся к своему

гнезду. Здесь он утешил своё раненое самолюбие, прогнав бедную Уорри с гнезда. Он сам уселся на него, но перед этим осторожно повернул все восемнадцать яиц своим клювом.

К сожалению, Карроинги недолго пришлось гордиться, что он — отец такого большого числа прекрасных яиц.

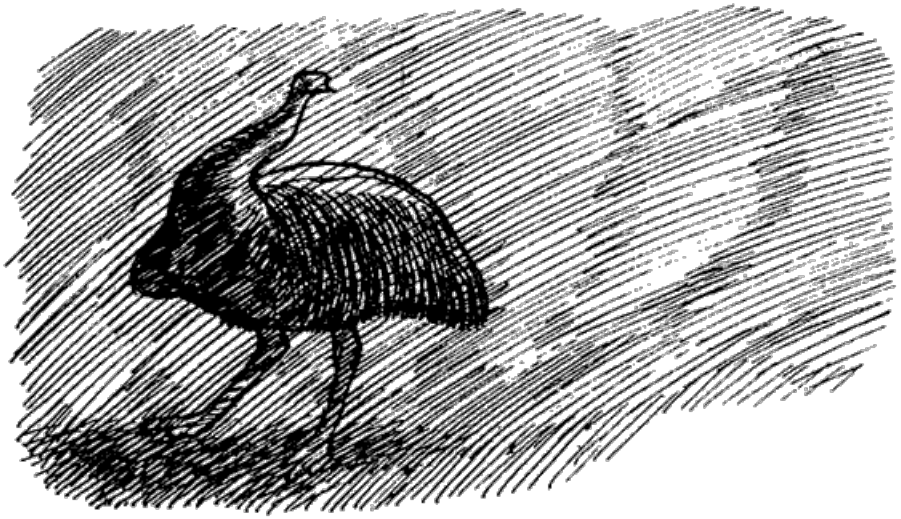
В течение трёх лет белые поселенцы не трогали эму, за исключением нескольких раз, когда они были просто вынуждены гнаться за птицами верхом, так как эму слишком близко подбирались к их посевам и домашнему скоту.

Но вот один из поселенцев сделал как-то открытие, очень печальное для эму.

Птицы часто останавливались и смотрели на сухощавых, будто поседевших от солнца людей, объезжавших на своих тощих лошадях равнину. Как хороши эти животные, называемые лошадьми, думали эму, наблюдая ритмичную игру их мускулов под золотисто-коричневой или же серой блестящей кожей. Во всяком случае, бегали они почти так же быстро, как эму. Вот поэтому-то, хотя эму и были очень любопытны, они старались держаться на значительном расстоянии от всадников.

В один прекрасный день, когда Карроинги спокойно сидел на своих восемнадцати яйцах, его слух вдруг уловил быстро нарастающий шум. Уорри не было поблизости, она ушла на поиски пищи. Гнездо было расположено среди низких дубков возле заболоченной части равнины, и Карроинги надеялся, что его не заметят. У него были все основания рассчитывать на это, так как расцветка эму была защитной и сливалась с цветом деревьев и травы. Этим природа как бы помогала эму укрываться

от врагов. Оставаясь совершенно спокойным, Карроинги приник к земле, вытянув свою длинную шею и приложив голову к самой траве; глаза и уши его были настраже.



Стук копыт быстро приближался. Одна лошадь или две?

Зимний день кончался. Белый туман повис над землёй, и тёмные силуэты ближних дубков, искривлённые и сучковатые, казались как бы выгравированными на светлом фоне неба. Далеко впереди равнина незаметно сливалась со взметнувшейся вверх громадой серых облаков.

Каждый нерв, каждый мускул Карроинги был напряжён. Он всё ещё надеялся, что стук копыт вдруг начнёт удаляться. Но нет! Он приближался прямо к нему. Карроинги в страхе прижался к земле. Когда лошадиное цоканье раздалось всего в нескольких ярдах от него, сердце его отчаянно заколотилось. С пронзительным криком вскочил он на ноги и бросился бежать.

Двое людей натянули поводья, чтобы успокоить испугавшихся лошадей.

— Вот гнездо, Билл!

— Посмотри-ка на чудака, спасающего свою жизнь!

— Ну и кладка!

Карроинги остановился в сорока ярдах от людей и беспокойно оглядывался назад. Пока один из всадников следил за ним, другой соскочил с гнедой лошади и быстро сложил в сумку из-под сахара все яйца.

Затем оба ускакали прочь.

Гневу Карроинги не было предела, когда он обнаружил, что все до одного яйца украдены. Вернувшаяся Уорри была совершенно потрясена, она никак не могла понять, что же случилось. Ни тот, ни другой не знали, что делать. Хотя бы пять, четыре, даже два яйца оставили им!

Ни одного!

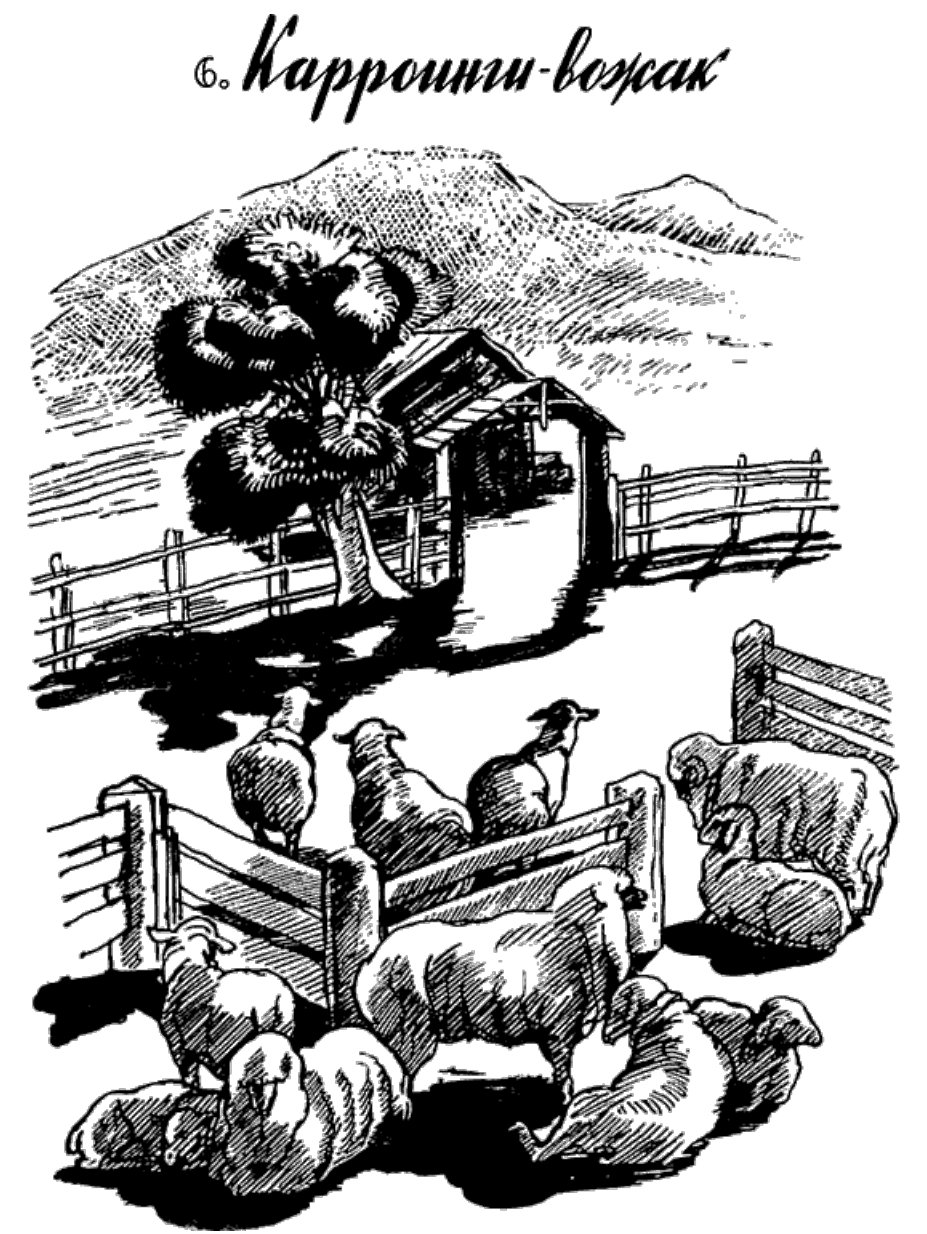
Люди слишком полюбили страусиные яйца. Один из них, тот, которого звали Билл, сделал как-то открытие, что в одном страусином яйце столько же содержимого, сколько в восьми куриных.

— При этом они вкусны! — сказал он китайскому повару на буррингской ферме. — Пожалуй, они слишком остры, но для омлета или кекса вполне годны. Попробуйте-ка их!

Повар воспользовался его советом и убедился, что из страусиных яиц получается прекрасная закуска, если их запечь с сыром. Только предварительно с них надо было снять слой жира после того, как они пролежат ночь в миске, без скорлупы, конечно.

Но всё это, конечно, не было утешением для Карроинги и Уорри, которые потеряли свой первый выводок.

6. Карроинги-вожак



На следующий год эму перенесли место кладки яиц на много миль в глубь страны. Поселения людей быстро разрастались, и эму стали мешать им. Некоторые фермеры огородили большие пространства для выгона овец. Другие вспахали узкие участки плодородной земли, кое-где перемежавшиеся серым песком, и

засеяли их пшеницей или овсом.

Чтобы не оказаться вдруг пленёнными за изгородью, эму пришлось отступить на нетронутые ещё земли, где добывать пищу стало очень трудно.

К тому времени, когда Уорри была готова сделать вторую кладку, эму оказались на большом болоте. За узкой полосой высоких хинных деревьев, будто одетых в лохмотья, которые развевались по ветру, тянулось четверть мили водяного пространства. Глубина его была в несколько футов. Посередине этого озера находилось три или четыре болотистых островка, заросших чайными деревьями и травой. Бросившись в заросшую тростником воду, Карроинги и Уорри доплыли до одного из этих островков, обошли его со всех сторон и решили, что это прекрасное и безопасное место для выведения птенцов. Сырость не тревожила их, и они могли быть спокойны, что в таком месте люди уж не доберутся до их гнезда. Будучи по природе своей хорошими пловцами, эму в любой момент могли вернуться на берег.

Там Карроинги и Уорри сделали наспех гнездо из травы и сучьев, расположив их таким образом, чтобы яйца не могли раскатиться в разные стороны. Уорри снесла двенадцать яиц. И спустя семь или восемь недель их семейство могло уже насчитывать десять птенцов.

Почему десять? Да потому, что двоих отнял у них воздушный разбойник. В один из редких дней, когда Уорри наконец было разрешено посидеть на яйцах, перед её глазами промелькнула чья-то тень. На неясном фоне деревьев она заметила птицу. Это был черногрудый сарыч, о котором её предупреждал ещё отец.

Сарыч вдруг опустился на землю. Приблизительно в семи ярдах от гнезда лежал небольшой круглый камень. Переваливаясь с ноги на ногу, сарыч подошёл к нему и захватил когтями. Что он задумал? Любопытство сменилось страхом в сердце Уорри. А сарыч уже шёл прямо к Уорри, волоча за собой камень. Вдруг он неистово и угрожающе захлопал крыльями. Уорри не выдержала, с громким «Уа-а-а-а-ш!» она сорвалась с гнезда и убежала прочь.

Сарыч продолжал ковылять к гнезду. Когда он добрался до первого, ещё сохранившего тепло яйца, он поднял ногу и бросил камень прямо на толстую зелёную скорлупу. Скорлупа треснула, обнажив свою нежную светло-зелёную внутреннюю стенку. Сарыч поднял камень и бросил его опять. Трещина разошлась. Не обращая внимания на Уорри, которая стояла совсем недалеко, сарыч принялся высасывать яйцо.

Он уже покончил со вторым яйцом, когда прибежал Карроинги. С сердитым хлопаньем крыльев Карроинги бросился

на сарыча и прогнал его…

Велика была радость родителей, когда на их маленьком островке начали вылупляться птенцы. Десять восхитительных малюток, которые жалобно пищат и просят еду! Уорри и Карроинги просто не знали, откуда взять столько имён для них всех. Наконец они выбрали: Подди, Уорри, Петта, Карри, Бёрри, Ког, Вурон, Путга, Гура и Булу.

Когда птенцы подросли настолько, что могли уже доплывать до берега, всё семейство покинуло своё надёжное, но, пожалуй, слишком сырое убежище и выбралось на более широкие просторы.

В следующую зиму Уорри не делала кладки. К этому времени стая ушла ещё на пятьдесят миль от болота.

В течение многих месяцев не было ни одного дождя, и земля совсем обнажилась. От травы остались одни корни, так что, когда эму проходили по ней, они поднимали в воздух целые клубы удушающей пыли. Вихри размельчённой земли носились над равниной. Небо казалось неестественно жёлтым от медного солнца. Пыль толстым слоем лежала на листьях эвкалипта. Почву сдуло даже с корней деревьев, и они стояли высокие, голые и уродливые. Урожай квондонга погиб, и лишь несколько плодов созрело на немногих кустах.

Наряд Карроинги и Уорри представлял теперь грустное зрелище: они похудели, измучились, перья у них все спутались и часто выпадали. Эму, так же как и другие птицы и звери, умирали от голода; их тела оставались лежать на земле и служили пищей чёрным воронам. И в этот год Уорри не снесла ни одного яйца.

Наконец засуха кончилась, и проливные дожди превратили коричневую, засохшую равнину в огромное волнующееся зелёное море. Фермеры были столь же счастливы, сколь и исконные жители равнины, но счастье их поубавилось, когда они обнаружили, что эму снесли их изгороди и потоптали кое-где посевы пшеницы.

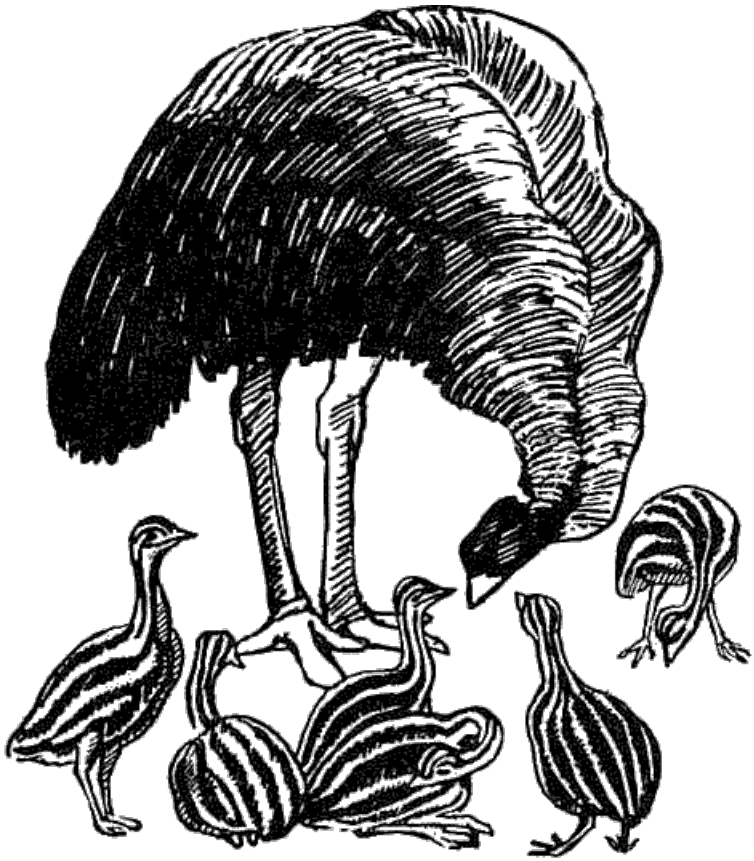
Так проходили годы, пока наконец Карроинги не стал отцом стольких птенцов, что и сам не мог их сосчитать. Знакомство с врагами научило Карроинги и Уорри многим хитростям, с помощью которых они с успехом высиживали свои яйца.

Например, вот такая. Сделав гнездо, Уорри сносила в него только одно яйцо. На следующий день она выбирала место в каких-нибудь семидесяти пяти ярдах от него, под кустом, и клала туда ещё одно яйцо. На третий день она переходила на новое место, тоже поблизости, и сносила следующее яйцо. И так до тех пор, пока не заканчивала всю кладку. Тем временем Карроинги внимательно следил за всеми яйцами, бодрствуя и днём и ночью. Расположение яиц таким образом давало надежду, что если какой-нибудь враг, например орёл, спустится на гнездо, то ему удастся захватить только одно яйцо, а не всю кладку.

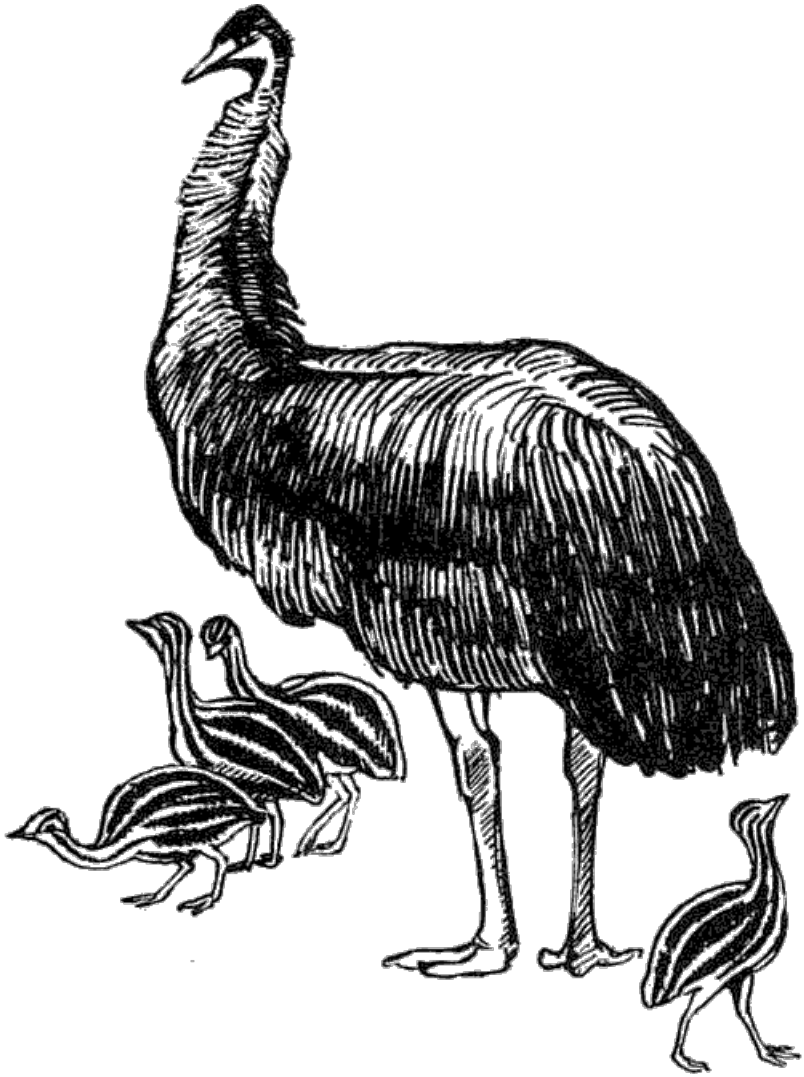
Но яйца надо было ещё высиживать. Поэтому, когда кладка была закончена, Карроинги и Уорри с помощью клюва и когтей катили по земле одно за другим все яйца по направлению к гнезду, пока они все не собирались там в плотную овальную группу.

Настало время, когда Карроинги почти перестал узнавать, кто

из стройных подросших эму его отпрыск, а кто нет. Стая выросла уже до двухсот птиц, и Карроинги был среди самых сильных и наиболее уважаемых её вожаков. Поэтому оказалось достаточно одного маленького случая, чтобы он выдвинулся впереди всех.



Злейшими врагами эму были динго — хищные и отвратительные животные. Только за последние несколько лет, когда эму были вынуждены уходить всё дальше и дальше в глубь страны, эти жёлтые собаки погубили многих из них. Всё чаще и чаще стали они забираться ночью в страусиные гнёзда, запуская свои острые зубы в шею испуганной птицы и одним ударом сворачивая её. К тому же дикие собаки постоянно крали неосторожных птенцов.



Наконец Карроинги дал им отпор. Это случилось однажды вечером, когда солнце отдавало свои последние лучи и на равнину опускалась темнота, похожая на покрывало из перьев.

Карроинги сидел на гнезде, собрав под собою весь последний свой выводок. Когда пышнохвостое животное со всей силой набросилось на Карроинги и вцепилось ему в шею, эму поднялся, захлопал крыльями и отпрянул в сторону. Но вместо того чтобы броситься бежать, как этого ожидал динго, Карроинги приготовился к бою. Он был взбешён.

Тонконогие пушистые птенцы с писком и криком разбежались в разные стороны, ища укрытия под покровом темноты.

Динго приник к земле, готовый к прыжку; жёлтые клыки его оскалились. Карроинги откинул назад голову и подпрыгнул на

три фута в воздух, выбросив вперёд свою правую ногу с выдающимся острым и загнутым пальцем. Динго рванулся в сторону, и острый коготь эму только слегка задел его ногу. Взвыв от злобы и недоумения, динго снова бросился на Карроинги, но сумел лишь набрать полный рот перьев из его крыла.

Собака упала и тут же повернулась на бок. Карроинги снова подпрыгнул, его тяжёлая ступня опустилась на извивавшегося динго, нанеся ему в бок рану в восемь дюймов в длину и четыре в глубину. С душераздирающим воем динго потащился прочь и замертво упал на землю.

У Карроинги и раньше было несколько успешных схваток с другими самцами-эму, двоих он даже убил. Когда же разнеслась

весть о его великолепной и нежданной победе над динго, изодранный и кровоточащий труп которого каждый мог увидеть и обнюхать, эму с радостью признали Карроинги своим вожаком.

7. Выстрел на равнине

Но царствование Карроинги было недолгим.

На вязкой песчаной равнине, куда эму вынуждены были теперь отступить, становилось всё труднее прожить. Сливовые деревья предлагали свои кислые сочные плоды, но основная еда — трава — оставалась маленькой и худосочной. Засухи

повторялись.

Бесплодная равнина растрескалась и обнажила свою гранитную основу. Стало трудно по ней ходить. Кое-где земля была усеяна острыми камнями, в которых, как в гладких костях черепа, отражалось солнце. Чтобы добыть себе воду, эму приходилось долго и упорно копать в отверстиях между скалами или в растрескавшейся от долгой засухи земле. Жёлтый обжигающий свет безжалостно палил серые деревья, похожие на огородные чучела, с увядшими узкими листьями и обращённые своими вершинами к солнцу, как бы прося у него пощады.

Это была страна без тени.

Лишь океан густого мерцающего тумана колыхался под немилосердным небом. Песок и кустарник и даже само небо казались выгоревшими до мертвенно-жёлтого цвета под постоянными лучами солнца.

Там, далеко, возле причудливой серо-голубой стены холмов, лежали богатые земли. Но железная дорога была уже проложена, и поселения белых людей год от года росли, так что наконец все плодородные участки оказались огороженными. Там, на сочных лугах, где когда-то безмятежно паслись эму, теперь колыхались сотни акров[5] зелёной или налитой пшеницы, и лёгкий ветерок, играя, волновал её, вызывая рябь.

На некоторых огороженных участках между оставшимися ещё серыми могучими стволами хинных деревьев росла свежая трава. Здесь теснились стада овец, разбредавшихся, чтобы пощипать траву, пока их ягнята бегали и резвились. В других загонах ещё продолжали выжигать траву, готовя землю под пашню, и столбы голубого дыма поднимались там вверх. Так постепенно страна теряла естественный облик, всё больше давал о себе знать человек, наведший здесь свой порядок.

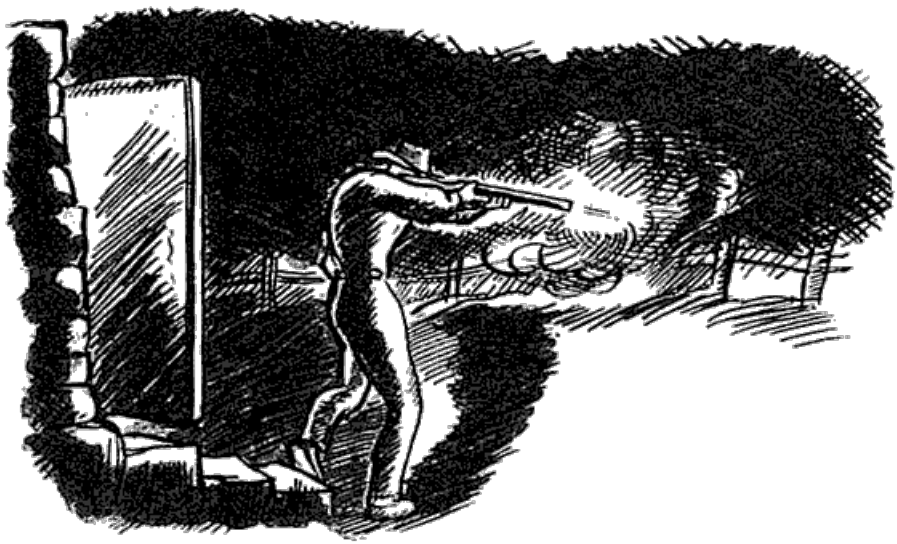
Страх перед белым человеком, перед его быстроногими конями и прочими проявлениями власти заставлял эму держаться на почтительном расстоянии от этих мест. Но эму видели много еды на землях, по которым они когда-то спокойно разгуливали, поэтому голод и любопытство толкали их туда, обратно, и они неуверенными прыжками подбирались к наиболее удалённым участкам возделанных полей.

Когда же на их пути оказывалась вдруг проволочная изгородь, за которой лежали поля сладкой зелёной пшеницы или овса, они все вместе налегали на неё и отбрасывали в сторону или же разрывали её. Попав на поле, эму забывали уже о всякой опасности. Они с жадностью глотали сочные зёрна, бросаясь то в одну сторону, то в другую. Их тяжёлые, крепкие ноги и широкие туловища скашивали при этом целые полосы нежных колосьев,

губя многие акры посевов.

Мало того, некоторые эму, утолив голод, начинали чувствовать в себе желание порезвиться. Они ломали изгороди, отделявшие их от загонов овец, вклинивались в стада и разгоняли овец в разные стороны. Они гонялись за ягнятами и уводили их от матерей, так что те не могли уже снова найти их, и ягнята погибали. Эму пили воду из запруд, отгоняя от них жаждущих овец.

Иногда всё это прерывалось выстрелом, если какой-нибудь фермер замечал, что́ творилось на его земле и спешил туда верхом на лошади. Эму бросались от него прочь и мчались с невероятной быстротой.



И вот настал день, когда несколько фермеров собрались на одном из отдалённых участков возделанной земли. Было много разговоров о том, что же предпринять. Один молодой фермер стоял за то, чтобы вообще истребить всех эму.

— Ну, это уж слишком, — возразил ему другой.

— Я сказал то, что считал нужным, — настаивал первый фермер, высокий парень с веснушчатым лицом. — Лучше б они совсем не родились! Если так будет продолжаться, я останусь без гроша! Этих паразитов надо уничтожить раз и навсегда.

— Полегче, полегче! — сказал третий фермер, старик с трубкой во рту. — В этом году они действительно много бед понаделали. Но ведь до сих пор они так не вредили.

— И не забывай, что эму поедают саранчу! А эти паразиты ещё пострашнее будут, — прибавила жена одного из фермеров.

— Да в этот сезон и саранчи-то вовсе не было! — фыркнул

веснушчатый парень.

— Зато на следующий год может быть, — сказал старик, потягивая из трубки. — Если мы перестреляем всех эму, неизвестно ещё, что скажет правительство. В конце концов, они ведь под защитой закона.

— Не потерплю я такого закона! — заявил веснушчатый фермер. — Мы должны заставить изменить его. Или добиться специального разрешения, чтобы его обойти. Говорю же вам, я и так потерял уже сотни фунтов! Половины урожая и трети ягнят как не бывало. Я не могу терпеть этого дольше!

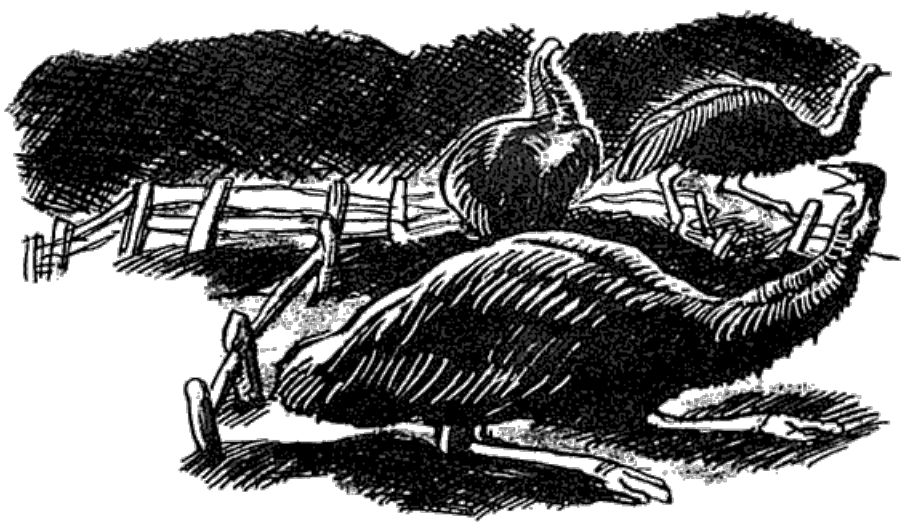
— Правильно, правильно! — вмешались ещё трое.

— Очень жаль, — сказал старик. — Благородные птицы… Видеть горько, как их будут убивать. Ведь зачем-то они были созданы природой!

Но что́ бы ни сказал ещё старик, ничто уже не могло изменить решения фермеров.

— Почему бы просто не попугать их? — пытался всё же уговорить он.

— Потому что это бесполезно. Они всегда возвращаются назад и приводят с собой своих друзей, — возразил высокий молодой фермер. — Да к тому же, говорят, в некоторых местах они занесли семена колючего кактуса. Скоро они и сюда их принесут! Хватит с нас жалкой болтовни. Пора приняться за дело!



И вот спустя три недели была назначена облава. Съехались почти все фермеры, даже из самых отдалённых мест. Некоторые привели с собой своих сыновей, гуртовщиков, объездчиков и стригальщиков. Пятьдесят всадников выехали «на охоту», каждый с карабином или ружьём.

После трёхчасовой езды возле самого дальнего загона на земле веснушчатого парня была назначена остановка. Головной всадник различил далеко впереди на фоне изломанной линии крутых холмов одного-единственного эму. Бинокли тут же были наведены и план составлен.

Десять всадников сомкнутым строем в форме дуги отправились на юг, пятнадцать — на север. Остальные устремились прямо к далёкой стене холмов, растянувшись по равнине, как пальцы раскрытого кулака. По плану, ничего не подозревавшие эму должны были оказаться вдруг отрезанными с трёх сторон и прижатыми к высоким скалам, вставшим у них за спиной.

Карроинги как вожак большой стаи был всегда настороже и первым почуял опасность. Птицы щипали траву на площадке в одну-две квадратные мили. Среди них многие были сыновьями, дочерьми и внуками Карроинги. Изгородь была сломана в нескольких местах. Подняв голову, Карроинги вдруг увидел всадника, бесшумно приближавшегося к нему. За всадником по пятам неслышно бежала собака.

Как и все эму, Карроинги был очень любопытен. Он бы так и продолжал смотреть на всадника, пока тот не оказался бы всего в ста ярдах от него, если бы тут же не заметил второго человека на лошади, вынырнувшего следом за первым из-под тени деревьев, а дальше, слева от него, — ещё двоих.

Карроинги решил — пора бежать!

Он забил крыльями, подпрыгнул, откинул назад голову и бросился вперёд. Хлопанье крыльев, означавшее сигнал тревоги, услышали другие эму, и вскоре уже два десятка их спасалось бегством. Но всадники тоже пустились в галоп, окружая эму со всех сторон. И каждый раз, когда кто-нибудь из эму хотел прорваться в ту или в другую сторону, ему приходилось отступать.

Число эму росло, росла и их растерянность, пока наконец вся эта сбившаяся и кружащая на одном месте масса страусиных перьев и мяса не оказалась безнадёжно прижатой к круто поднимавшейся горной стене. Некоторые эму пытались вскарабкаться на высокие камни или крушащиеся скалы, но падали назад. Паника охватила всех. В диком смятении эму наскакивали друг на друга, пуская в ход свои твёрдые когти, кричали и хлопали крыльями.

Лучше не рассказывать о том зрелище, которое предстало после того, как выстрел за выстрелом разрезали лесной полуденный воздух и эму один за другим попадали на землю, образуя одну неподвижную груду перьев. Среди них была и уже

очень старая Кундэллу — мать Карроинги.

Но не все эму сдались без отчаянной борьбы. Многие вообще не сдались. Вырвавшись наконец из общей массы, они бросились бежать в разные стороны.

Сам Карроинги спасся, бесстрашно продравшись между двумя всадниками. Собрав последние силы, он пустился по зелёному плато, примыкавшему к высокому скалистому барьеру. Четыре всадника погнались за ним. Двое придерживали надрывавшихся от лая псов. Вот-вот всадники готовы были припереть Карроинги к одному из выступов скалы. Но Карроинги мчался дальше. Он знал, что свобода находилась всего лишь в миле отсюда, где лес надёжно укроет его.

Но не знал он, какую ловушку готовят ему белые люди. Еще раньше они получили специальное задание поймать именно такую прекрасную птицу. Недалеко впереди показалась изгородь, как будто бежавшая ему навстречу. Вылезшие из орбит глаза Карроинги не увидели, как люди зацепили одну из перекладин изгороди, чтобы поднять её. Ход шириною с ворота был открыт.

Карроинги до отказа вытянул шею, рванулся ещё вперёд. Что бы там ни было, он пройдёт туда!

Но когда он достиг отверстия в изгороди, его испуганные глаза не успели заметить, что земля за нею была вся изрыта. И даже если бы он и заметил это, он всё равно не успел бы приостановить свой бег, хотя бы и перед очевидной опасностью. Одна ступня его с разбегу опустилась на ровный покров взрыхлённой земли и листьев и тут же увязла в них. Следующий шаг ещё подтолкнул его, ноги Карроинги подкосились, и, пробив перекрытие, он упал в яму глубиною в пять футов.

В тот же миг четверо всадников оказались у западни.

Карроинги, потрясённый и разбитый, приник к земле и зарыл в перья голову, тщетно надеясь, что его не заметят.

Но раздался ликующий возглас:

— Вот он! Вяжите его! Вяжите!

И петля была наброшена на голову Карроинги, когда он лишь на мгновенье приподнял её. Он почувствовал, как верёвка стягивает его шею, и попробовал подняться, чтобы сбросить её. Но один из людей, очень смелый, спрыгнул в яму позади эму и схватил его обеими руками за крылья.

Крепко схваченный и зажатый со всех сторон в узкой яме, Карроинги пытался брыкаться, но верёвки, тут же накинутые ему на ноги, свалили его.

— Вот это птица! — сказал один из преследователей. — Да это настоящий царь эму! Видели, какие скачки он делал? Вот это ноги!

— Надеюсь, они будут довольны, получив такую птицу! — сказал второй. — Ни один зверинец не мог бы желать лучшей!

8. За стальной решёткой

Карроинги зевнул, широко открыв рот. Снова закрыл его. Он подумал, пройтись, что ли, до конца дворика. Сотни раз он уже проделывал этот путь — нет, тысячу! — а что ещё ему было здесь делать? Хоть бы муха села на засохшее чайное дерево, тогда бы он развлёкся, ловя её.

Карроинги высоко и грациозно поднял свою трёхпалую ногу. Он не спешил. Не стоило давать волю естественному желанию ходить огромными шагами — тогда бы он слишком быстро достиг конца дворика. Он поднялся на покрытый гравием холм, обошёл слева свою миску с водой и, лишь на миг ускорив шаг, достиг уже цели.

Стальная решётка высотою в шесть футов встретила его. Чайное дерево росло здесь, но сколько ни вглядывались быстрые карие глаза Карроинги, мухи они так и не нашли на дереве.

Ну что ж, опять назад. Он зевнул, обнажив большой ярко-розовый рот. В соседней клетке послышалось движение. Там находился его двоюродный брат — африканский страус. Он высоко взмахивал крыльями. Карроинги не мог так: ведь у него не было крыльев или, вернее, были, но такие маленькие, что со стороны они были лишь едва заметны. Конечно, он не мог ими

по-настоящему размахивать. Но зато у него на каждой ступне было по три пальца против двух у его африканского сородича. Да ещё пятка, которой у того и вовсе не было.

Достигнув высокой и толстой решётки, разделявшей их загоны, Карроинги так вытянул шею, что клюв его прошёл между стальными прутьями.

Другой страус, в последний раз взмахнув крыльями, сделал то же, и они в течение нескольких секунд с удовольствием тёрлись друг о друга своими клювами, сохраняя полное молчание.

По другую сторону дворика Карроинги в этом небольшом зоопарке жил ещё один его брат — казуар. В его дворике было больше деревьев, потому что казуар очень любил тень и прохладу, тогда как Карроинги нравилось солнце. Блестящее жемчужно-чёрное оперенье и мозолистый гребешок на голове

казуара соответствовали его степенным привычкам. Он жил сам по себе, не вмешиваясь в чужие дела.

Карроинги снова поднялся на холм, расположенный в его дворике. Вернулся обратно. Остановился, чтобы попить из корытца: опустил клюв в свежую воду, потом запрокинул голову, чтобы вода могла медленно пройти в горло.

И когда он проделывал это, мысли его незаметно перенеслись к дням далёкого прошлого — к картинам, потускневшим со временем, хотя болезненная радость, сопровождавшая эти воспоминания, была жива, как и прежде. Воспоминания заволокли сознание Карроинги, как запах дыма от горящего эвкалипта, голубой спиралью подымающегося вверх, одновременно едкого и сладкого, пахучего и въедающегося в ноздри и в память…

Где-то сейчас все его друзья по стае? И все его дети от стольких свадебных сезонов?.. Это были такие далёкие времена и такая далёкая жизнь! Жизнь, полная опасностей, и перемен, и неожиданных удач. Леса, холмистые равнины и горы — всё, всё постепенно стиралось в памяти и исчезало…

Карроинги поднял голову, повернул её в одну сторону, в другую, вытянув свою длинную, покрытую голубой кожей шею. Калитка в дальнем конце дворика отворилась. Вошёл человек с ведром и тяжёлой метлой в руках. На нём была потрёпанная соломенная шляпа. Из ведра он вылил жидкую овсяную кашу. Затем пошёл в конец дворика и принялся подметать, громко насвистывая.

Сторож был добрым человеком, и Карроинги не боялся его. Через глубокие круглые ушные отверстия, прикрытые короткими чёрными пёрышками, торчащими, будто подстриженные волосы на светло-голубой шее, Карроинги внимательно прислушивался ко всему.

Вдруг глаза Карроинги заметили какой-то незнакомый предмет. Что-то ярко-красное. Оно находилось за двориком, там, где проходили посетители. Карроинги почувствовал нестерпимое любопытство. Он должен узнать, что это такое! Вот оно там зашевелилось, запрыгало в воздухе.

Карроинги сделал шаг вперёд. В этот самый момент что-то предостерегающе дрогнуло в нём, будто смутное воспоминание, что когда-то вот такое же необузданное любопытство погубило многих его сородичей.

Красный предмет поднимался вверх и вниз, и Карроинги больше не мог сдерживаться. С горящими глазами и вытянутой вперёд шеей он сбежал с холма.

За двориком стояли женщина и две маленькие девочки. У

девочек были длинные косы; на плечах женщины лежала меховая накидка, в руках у неё была муфта. Одна из девочек держала красный воздушный шар. Карроинги положил голову на изгородь и не сводил глаз с шара. Девочки были в восторге.

— Мама, посмотри, — сказала девочка поменьше, — он подошёл, чтобы поговорить с нами.

— Какие у него красивые глаза! — сказала другая, та, что держала в руке воздушный шар. — Они такие коричневые и блестящие, как настоящий чайник!

Мать засмеялась. Одна из девочек бросила через решётку жёлтое яблоко, другая — леденец и бисквиты. Карроинги тут же нагнулся, съел бисквиты, леденец не тронул, а яблоко, прежде чем проглотить, разломил клювом на кусочки. Когда-то он не был таким разборчивым и, не задумываясь, съел бы всё, что бы ему ни дали, но беззаботная жизнь сделала его более привередливым и капризным.

Девочки ушли, унеся с собой красный воздушный шар. Появились другие посетители. Много их проходило группами и в одиночку. Они останавливались, обменивались замечаниями, смеялись, задавали друг другу вопросы и бросали через решётку кусочки еды.

Так тянулось весь день, пока Карроинги совсем не выбивался из сил. Все эти люди были так похожи один на другого! Вот уже десять месяцев, как Карроинги каждый день смотрел на них, а они — на него.

Наконец-то звонок! Люди тут же забывали про птиц и зверей и спешили скорее из зоопарка, разъезжаясь кто в колясках, а кто верхом.

Когда солнце садилось, деревья темнели, и только вершины их продолжали ещё светиться. Через дворик Карроинги протягивались длинные тени от стальной решётки. В голубоватой дымке едва вырисовывались очертания других клеток и загонов.

Карроинги опустился на свои длинные, лишённые перьев ноги, чтобы его тяжёлое тело могло отдохнуть на земле.

Наступила ночь, и воспоминания, то грустные, то ласковые, близкие и ранящие сердце, обступили Карроинги. Картины прежних лет, самые разнообразные, но сбивчивые, теснились в его сознании: большие, тяжёлые ноги эму, пересекающие широкую равнину; Уорри; прохладная вода, в которой плавали до дрожи; сражения с соперниками или с коварными динго; старый Бэрамул; фиговые деревья, трава, солнце, обжигающее спину; сладкие капли бурой воды из прудков; ветры, гром и рваные облака; выводки нетерпеливых птенцов, Кундэллу; страшный враг — сарыч; цокот лошадиных копыт; танцующие чёрные фигуры,

шар из перьев; снова цокот лошадиных копыт, чувство ужасного, щемящего страха, когда листья под ногами оседают и ты куда-то проваливаешься…

Серо-голубые веки постепенно смежались, чтобы глаза могли отдохнуть… Карроинги спал.

9. Снова вожак

Было ещё очень рано, едва рассвело. За стеной дворика послышался шум. Необычный шум. Большой жёлтый грузовик остановился у решётки. Из него выскочило несколько человек с верёвками в руках. Они открыли ворота дворика, в котором жил Карроинги. И ворота и сама земля были ещё влажными от росы,

поблескивавшей в розовых лучах утренней зари.

Если бы с пришедшими людьми не было знакомого сторожа, Карроинги совсем бы испугался. Он и так побежал. Сторож позвал его, потом засвистел. Карроинги бегал из одного конца дворика в другой. Люди подошли к нему ближе, и сторожу наконец удалось схватить его сзади за крылья.

Второй раз в жизни верёвка обвилась вокруг шеи Карроинги, она обхватила и его ноги, крепко стянув их.

— Ну, ну, не бойся, старина!

Карроинги слышал успокаивающий голос сторожа, самый тон его — слова для него, конечно, ничего не значили.

— Не бойся, старина! Мы тебя не обидим. Просто ты переезжаешь в другой зверинец. Говорят, для нас ты слишком хорош. Тебя хотят теперь устроить в большом городе.

— И хотят заплатить за это большие деньги! — добавил один из людей.

Немного погодя Карроинги уже стоял в грузовике, в открытом кузове с очень высокими стенками. Верёвки с него сняли.

Машина быстро неслась по усыпанной гравием дороге. Через щели между стенками кузова Карроинги видел говорящие эвкалиптовые леса, тянувшиеся по обеим сторонам дороги, и клубы серой пыли, вздымаемой грузовиком.

Что с ним происходит? Неизвестность мучила, пугала его. Он так долго жил в зверинце маленького, тихого городка, где из месяца в месяц видишь и делаешь почти всё одно и то же, что эта внезапная перемена потрясла его. Неважно, что его ждёт впереди. Он хочет обратно, за надёжную стальную решётку зоопарка! Правда, там скучно, но зато спокойно.

Наступило утро. Леса кончились, уступив место широким равнинам, переходящим где-то там, вдали, в невысокие холмы, одетые деревьями. В самой дальней точке, куда только могли достать глаза Карроинги, эта цепь холмов казалась серо-зелёной в туманной дымке влажного воздуха. Там было ещё сыро и холодно. А ближе косые лучи солнца пробились уже сквозь густые кроны эвкалипта, ярус за ярусом, и осветили их дрожащие круглые листья, такие яркие и золотые на фоне тёмной массы деревьев, голубоватых стволов и веток.

Возле самой дороги и на милю от неё росла трава, ровная и низкая, едва поднимавшаяся над землёй. До ближайшего города было далеко. Карроинги пугало одиночество. О, как бы он хотел снова оказаться за стальной решёткой с длинными и холодными прутьями вокруг него!

Машина уносила Карроинги всё дальше. Он повернул голову и стал смотреть вперёд. Вдруг его острые глаза заметили что-то,

от чего сердце его заколотилось ещё сильнее.

Немного опередив машину, вдоль свободной, усыпанной гравием дороги бежала небольшая стая эму. Грузовик быстро её нагонял. С вытянутыми вперёд шеями, делая огромные шаги, они двигались двумя рядами по обеим сторонам дороги.

Карроинги не сводил с них глаз. Он мог уже смутно различить топот тяжёлых ног эму. Немного погодя ему показалось, что он слышит шум крыльев, поднимающихся вверх и вниз, в ритм движению.

Карроинги всё смотрел, с каждой минутой возбуждение его росло. Что за чувства вся эта картина всколыхнула в нём! Он уже видел себя среди них, он хотел бежать с ними! Но ведь он был пленником, запертым в машине. Каждый нерв, каждый мускул его рвался на свободу. Его глаза горели.

И вот машина почти поравнялась со стаей. Но не обогнала её.

Шофёр не прочь был бы оставить птиц позади, но эму как будто совсем не боялись машины, им даже нравилось играть в преследование. Им приятно было показывать свою выносливость и уменье так быстро бегать. Они не боялись бежать даже перед самой машиной. Проходили миля за милей, а эму всё продолжали свою игру.

Карроинги стало не по себе. Распушив перья на шее, он начал громко хлопать ими. Всё громче и громче. Он поднимал одну ногу, другую, топал ими, наконец принялся танцевать на крохотной площадке грузовика. Удар за ударом сыпались на деревянное дно кузова.

Один из эму сквозь шум мотора различил хлопанье крыльев своего собрата. И тут же Карроинги услышал ответное биение крыльев. Теперь он уже едва сдерживал себя.

Дорога испортилась, стала неровной, и двое людей, сидевших в кабине, забеспокоились: их пугало поведение птицы там, наверху. В окошечко они могли наблюдать её странное волнение.

— Может быть, лучше остановить машину? — сказал шофёр. — Этих птиц нам не обогнать.

— Прибавь скорость!

— И так на пределе!

Вот тут-то всё и случилось.

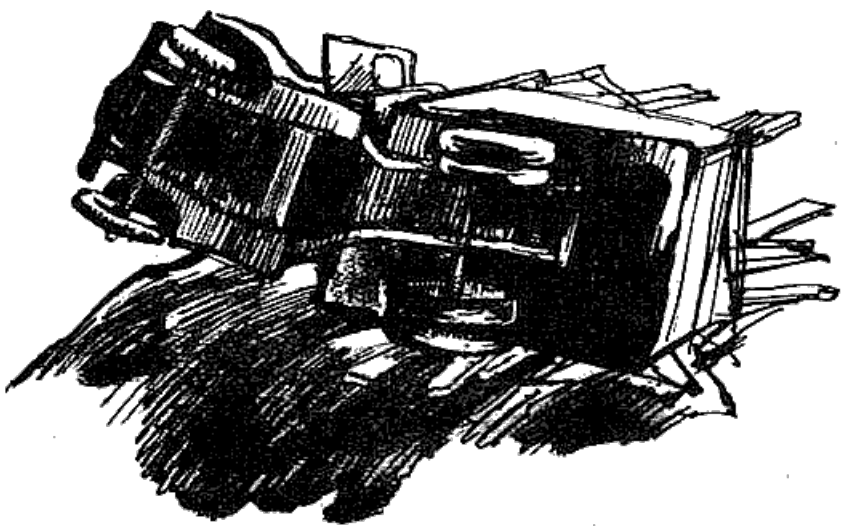
Одна из птиц чем-то напомнила Карроинги его старую подругу — Уорри. Она вырвалась из общего ряда бегущих эму и неслась перед самым носом машины. Мгновение — и она уже на дороге. С криками и проклятьем шофёр быстро повернул руль, чтобы обойти огромную птицу, но повернул слишком круто: машина чуть не съехала в канаву. Он повернул руль обратно, и грузовик врезался в глубокий ров, вырытый по другую сторону

дороги.

Тормоза неистово заскрипели, машина опрокинулась на бок, а свободные колёса с огромной скоростью все продолжали вращаться. Обоих мужчин выбросило прямо в кустарник. Собрав все силы, Карроинги пролетел немного по воздуху и тяжело опустился на хвост.

Пробежав сто ярдов вдоль дороги, стая эму остановилась и обернулась назад.

Карроинги поднялся на ноги. Такого полёта он в жизни не проделывал! Деревья, небо, равнина — всё шло кругами у него в глазах. На земле он различал вывалившихся людей. Опрокинутый грузовик выглядел каким-то чудовищем. Карроинги поднял одну ногу, другую. Ну да, он цел! Ушибленный хвост болел. Казалось, всё горит у него внутри. Кругом земля была усыпана его перьями. Но вот он пришёл в себя и увидел недалеко на дороге эму, стоящих с открытыми ртами и с изумлением глядящих на случившееся.



Карроинги высоко подпрыгнул, рванулся вперёд и побежал. Он прорезался сквозь стаю, повернул в сторону от дороги и бросился через равнину, увлекая за собою пятнадцать самых больших эму.

Шофёр грузовика, весь в синяках, приподнялся и с удивлением огляделся кругом. Потом помог встать своему спутнику. Потирая лбы, с тоской глядели они на тонкую, быстро удаляющуюся серую ленточку, которая становилась всё меньше и меньше на фоне янтарных от солнца холмов.

А Карроинги, счастливый, уже через минуту бежал с той же скоростью, что и в былые времена.

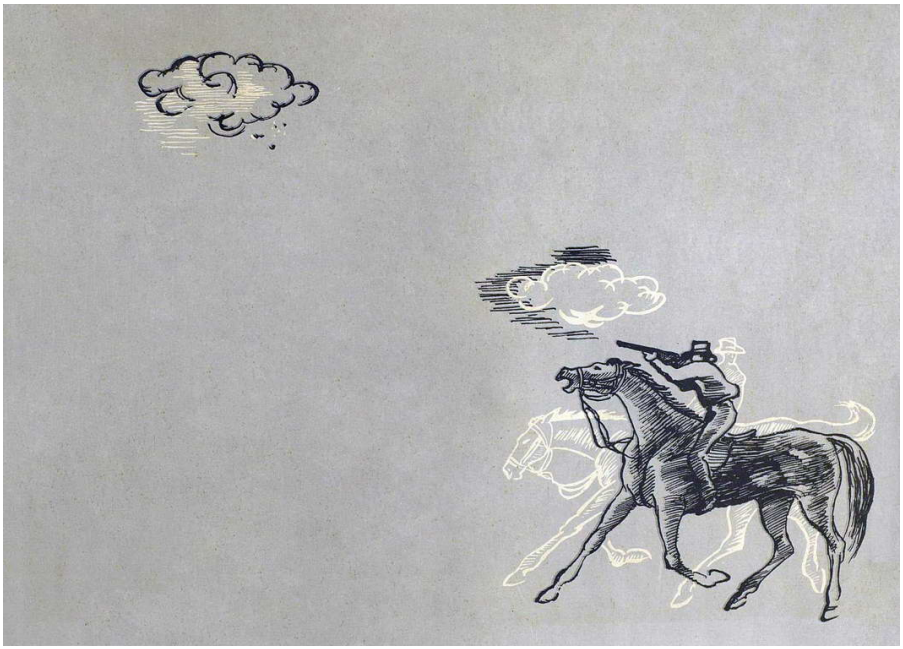
Он снова чувствовал себя совершенно счастливым, во второй раз в жизни! Не каждая птица может мечтать о таком счастье. Он едва понимал, что происходит, но какой-то внутренний голос заставлял его верить в себя и подсказывал ему верную дорогу к свободе. Его мускулы обмякли, но были достаточно сильны для столь недолгого пробега. Он уже не боялся кустов, и ему не хотелось обратно за стальную решётку!

Именно в этот решающий момент бегства птицы снова почувствовали в нём вожака.

Ощущения прежних дней жгучей радостью наполнили всё его существо. Он громко хлопал крыльями, глотал мчащийся навстречу воздух и прислушивался, как он поёт в его взъерошенных перьях.

Оглавление

Вылупились птенцы … 5
Обратно в стаю … 15
Карроинги теряет друзей … 23
Уорри … 33
Печальная судьба нескольких яиц … 43
Карроинги-вожак … 53
Выстрел на равнине … 65
За стальной решёткой … 77
Снова вожак … 87



notes

Примечания

1

Фут (англ.) — около 30 сантиметров.

2

Ярд (англ.) — около 91 сантиметра.

3

Миля (англ.) — 1609 метров.

Дюйм (англ.) — 2,5 сантиметра.

5

Акр (англ.) — около 0,4 гектара.